

Ю.Д.АНЧАБАДЗЕ

**Кавказовед Г.А.Кокиев:
жизнь, творчество, судьба**

Георгий Александрович Кокиев родился 4 апреля 1896 г. в селе Христиановском (ныне г. Дигора) в Северной Осетии. В многочисленных анкетах и личных листках, которые, как и всякому советскому человеку, Г.А.Кокиеву приходилось заполнять бесчисленное количество раз, он неизменно отмечал свое крестьянское происхождение. Между тем семья Кокиевых была хорошо известна в крае и принадлежала скорее к слою народной интеллигенции, которая на рубеже веков дала немало замечательных деятелей и подвижников осетинской культуры. Отец будущего ученого — Фацбай (в крещении Александр) был весьма уважаемым человеком, слывшим большим знатоком осетинского фольклора. Именно он постарался дать сыну образование, направляя его первые ученические шаги.

Обстоятельства этому благоприятствовали. Село Христиановское было одним из самых значительных культурных центров Осетии того времени. В родном селе Кокиев окончил семь классов местной гимназии, и, хотя впоследствии из-за материальных трудностей учебу пришлось прервать, пытливый юноша упорно занимался самообразованием, что позволило ему в 1915 г. экстерном сдать экзамен в училище при Ардонской духовной семинарии на звание учителя народных училищ.

Трудовую деятельность молодой Г.А.Кокиев начал с огромным желанием принести пользу на ниве просвещения горского населения. Его первые педагогические опыты связаны с сельскими школами Осетии, но в 1916 г. распоряжением директора народных училищ Терской области молодой человек был направлен на работу в балкарское село Урусбиево, где он проучительствовал в течение почти полугода. Именно здесь будущий этнограф получил первые впечатления от живого соприкосновения с иной, неродной бытовой культурой, смог сделать первые сопоставления наблюдаемых фактов и явлений. Впоследствии Г.А.Кокиев писал, что во время пребывания в Балкарии его поразили «сходство в характерах осетина и балкарца», параллелизм

в обычаях и обрядах, наличие общего пласта в лексике и антропонимии¹. Эти наблюдения, фиксируя пока лишь формальные, сразу бросающиеся в глаза реалии двух этнических культур, конечно, были далеки от анализа научного видения материала, тем не менее свидетельствуют о пытливости ума молодого человека, который к тому же не терял времени даром и в другом направлении: Г.А.Кокиев стал усиленно заниматься балкарским языком, преуспев настолько, что к концу пребывания в Балкарии он прекрасно на нем изъяснялся.

Между тем революционные потрясения 1917 г. и гражданская война стали предвестием новой, страшной, но пока неведомой эпохи в истории народов бывшей Российской империи. Г.А.Кокиев возвращается на родину. Он не остался в стороне от бурных политических событий. В 1918 — 1919 гг. Г.А.Кокиев состоял членом осетинской партии «Кермен», программные цели которой были основаны на идеях культурного возрождения и национального самоопределения.

И все же главной целью жизни молодого человека по-прежнему оставались учеба и образование. С окончанием гражданской войны на Северном Кавказе перед Г.А.Кокиевым открылись новые перспективы. В 1920 г. он приезжает в Москву и поступает на исторический факультет Московского археологического института, совмещая учебу с работой школьного учителя. По завершении института (1923 г.) Г.А.Кокиев решает продолжить учебу. Он остается в Москве, зарабатывает на жизнь преподавательской работой в школе, усиленно готовясь к поступлению в аспирантуру.

В 1925 г. Г.А.Кокиев становится штатным аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (ИЭНКНВ). Первоначально аспирант Кокиев числился в составе Кавказской секции. Однако в феврале 1928 г. институт подвергся реорганизации: этнорегиональная структура его подразделений была заменена предметно-тематической, вследствие чего Кокиев оказался в секции истории национального вопроса и национально-революционного движения. Впрочем, списочное прикрепление к конкретной секции было достаточно условным. Аспиранты имели возможность принимать участие в работе не только своей, но и смежных секций, присутствовать на проводившихся там научных заседаниях, чтениях, докладах. Сами аспиранты в соответствии с требованиями учебного процесса также обязаны были выступать с развернутыми научными докладами, которые затем заинтересованно и нелицеприятно обсуждались.

Г.А.Кокиев был весьма активен. Так, в хроникальной информации о деятельности ИЭНКНВ за 1927/28 учебный год упоминается его выступление на одном из заседаний Кавказской секции с докладом «Могильные сооружения в Осетии»². Его доклад «Борьба кабардинских феодалов за власть в первой половине XVIII века» был весьма положительно оценен руководителем семинария Ю.В.Готье. В своем письменном отзыве он писал, что доклад, «основанный исключительно на первоисточниках, дает очень ценные сведения о социальных отношениях Кабарды, вводит в научный оборот совершенно новый материал, хорошо построен с точки зрения метода и архитектоники и, наконец, хорошо написан»³.

Эта краткая, но весьма лестная для молодого исследователя характеристика свидетельствует, что Г.А.Кокиев к тому времени был уже сложившимся ученым, из-под пера которого выходили вполне зрелые и глубокие работы. Большинство его аспирантских штудий были впоследствии переработаны в статьи, увидевшие свет в разных центральных и местных изданиях. Между тем время учебы в аспирантуре подходило к концу, и надо было решать проблему будущего трудоустройства. ИЭНКНВ готовил своих питомцев не только к научной работе, но и к практической управленческой деятельности, связанной с национально-культурным строительством на местах. Но у Г.А.Кокиева, как видно, сомнений не было. Он однозначно выбирает будущую профессиональную стезю и по окончании учебы (1929 г.) становится «научным сотрудником I разряда» в своем же родном институте.

Конец 20-х годов был для Г.А.Кокиева периодом необыкновенной творческой активности. В серии появившихся в этот период разнотематических статей Г.А.Кокиев как бы очертил будущее поле своих исследовательских интересов. Они были достаточно широки уже в самом начале его творческой деятельности, хотя сам молодой ученый, видимо, еще не совсем четко это осознавал.

Так, отвечая на стандартную анкету составителей сборника «Научные работники Москвы», Г.А.Кокиев определил свою специализацию следующим образом — «кавказоведение, осетиноведение, история и материальная культура осетин»⁴. Ответ формален и явно не полон даже для времени составления анкеты, совпавшего с начальными этапами его профессиональной деятельности. Кавказоведение, действительно, являлось основной сферой приложения творческих сил исследователя, но в его пределах Г.А.Кокиев отнюдь не замыкался рамками одного осетиноведения, а в последнем история и материальная культура вовсе не

были единственными проблемными блоками, которые он изучал. Основная направленность исследовательских интересов ученого была очевидна уже с первых шагов его творческого пути, поэтому, отвечая на анкету составителей справочника, Г.А.Кокиев, наряду с осетиноведением, с полным основанием мог бы обозначить, например, свои интересы в области изучения истории и этнографии кабардинцев, а указывая на материальную культуру как на конкретную сферу специализации в рамках этнографического осетиноведения, упомянуть также духовную культуру и общественный быт.

Однако первая увидевшая свет крупная исследовательская работа Г.А.Кокиева была выполнена в рамках его осетиноведческих интересов и посвящена истории родного края⁵. Работа представляет собой весьма примечательный образец исторических сочинений первых лет советской власти. В авторском предисловии молодой ученый весьма решительно «расправляется» с предшествующими исследованиями по теме, объявляя, что «большая часть из них уже устарела для современной науки и готова стать историческим материалом в руках исследователя революционного времени»⁶. Новые концептуальные воззрения «революционного времени», как известно, отринули дореволюционные традиции исторической науки, усмотрев основное содержание социального процесса в экономических движениях эпохи, саморазвитии угнетенных классов и их борьбе за свое социальное освобождение.

В те годы Г.А.Кокиев был безусловным приверженцем концептуальных построений М.Н.Покровского и его школы, что в полной мере отразилось в тексте «Очерков». Пренебрежение апробированными канонами видно уже в нарочитом отрицании принципа хронологической последовательности описания исторической действительности: «Очерки» начинаются почему-то с темы русско-кавказских отношений, и лишь затем автор обращается к древнейшим этапам осетинской истории, начиная их, впрочем, с рубежа I и II тысячелетий н.э. и лишь отдельными сюжетами углубляясь в более ранние хронологические пласты, раскрывая этот материал весьма поверхностно. Более основателен Кокиев при переходе к социально-экономическим вопросам, хотя и здесь упрощенная трактовка многих важных проблем (например, объяснение возникновения у осетин привилегированного слоя как результат абречества) также вполне укладывалась в новые революционные подходы народившейся советской исторической науки.

Таким образом, «Очерки» вряд ли можно отнести к заметным вехам творческой биографии Кокиева, но они оказались сопри-

частны жизненной стезе своего создателя. «Книги имеют свою судьбу» — гласит известная максима. Для многих книг, рожденных в советской стране, судьбой стало цензурное изъятие, запрет, спецхран. Не избежали этой участи и «Очерки», зловеще предвосхитив трагическую судьбу своего автора. Однако развязка наступила позднее, а пока Кокиев продолжил свою деятельность, начавшуюся, казалось бы, весьма удачно.

Одна за другой выходят статьи молодого исследователя, многие из которых представляют собой переработанные варианты его аспирантских студий. Так, Кокиев публикует исследование, посвященное знаменитым погребальным домикам осетин⁷. Автор проанализировал погребальный инвентарь, связав его с комплексом религиозных воззрений, присущих обычаю захоронения умерших в этих склеповых домиках. В статье «Некоторые сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата»⁸ Кокиев высказал оригинальную догадку о соотношении этих двух топонимов.

В этот же период появляются работы, обозначившие интерес Кокиева к волновавшей его на протяжении всего творческого пути проблеме истории социальных отношений у народов Центрального Кавказа. В первой печатной работе, посвященной этим вопросам, Кокиев рассмотрел перипетии борьбы кабардинских феодалов за экономическое и политическое господство в регионе⁹. Исследователь показал, что эта борьба протекала в условиях острого соперничества между отдельными аристократическими фамилиями, отражавшего зачастую экономические и политические интересы региональных групп привилегированного сословия кабардинского общества¹⁰.

Весьма интересная работа посвящена историко-этнографическому анализу распространенного у феодализованных горских народов Кавказа обычая аталычества, согласно которому новорожденные дети из привилегированных сословий отдавались на воспитание в семьи, стоявшие на более низких ступенях социальной лестницы, воспитываясь там в отдалении от родных породой до своего совершеннолетия. Отринув выдвигающиеся до него наивные и малообоснованные объяснения происхождения и сущности обычая, Кокиев сосредоточился на социальных аспектах его функционирования, считая, что обычай служил средством установления сюзеренно-вассальных отношений¹¹. В настоящее время именно эта точка зрения становится преобладающей во взглядах на социальные основы аталычества.

В этот период Кокиев своей очередной работой заявляет еще об одной исследовательской теме, к которой и в дальнейшем он проявлял значительный интерес, — русско-кавказские отношения. Свой первый опыт разработки этой темы ученый посвятил

анализу начального периода активного внедрения России на Кавказ, приходящегося на XVIII в.¹². В дальнейшем он расширил хронологические рамки темы, охватив весь многовековой период исторических сношений России с Кавказом, однако основные исследовательские работы этого проблемного блока относятся к более позднему времени его творческой деятельности.

Начало нового десятилетия (30-е годы) ознаменовалось для Г.А.Кокиева тяжелым и незаслуженным ударом. В марте 1932 г. в Наркомпрос РСФСР была переслана официальная бумага из Северо-Осетинского НИИ краеведения. Московское начальство извещалось, что «решением Осетинского обкома ВКП(б) в связи с письмом тов. Сталина* создана специальная бригада по проверке всей изданной литературы Осетинским научно-исследовательским институтом». Далее указывалось, что «часть из просмотренной литературы уже из употребления изъята». В число запрещенных книг попала и работа Кокиева «Очерки по истории Осетии»¹³. Для автора всегда нелегко пережить столь жестокий приговор своему детищу. Но происшедшее могло иметь весьма опасные последствия для личной судьбы Кокиева. Отныне ему приходилось жить и работать со страшным для тех лет клеймом политической неблагонадежности.

К тому времени Г.А.Кокиев уже работал на новом месте. В 1931 г. он становится научным сотрудником Музея народов СССР, оставаясь в его штате до 1939 г. В это же время ярко проявилось еще одно профессиональное призвание Кокиева — педагогическое. Получив предложение сотрудничать от I МГУ, он в 1931—1933 гг. читает там курс лекций по истории народов Кавказа. В 1935—1941 гг. Кокиев ведет кавказоведческий курс в знаменитом МИФЛИ. По воспоминаниям Х.Цаллаева, лекции Г.А.Кокиева «пользовались среди студентов большой популярностью и всегда собирали большие аудитории, причем посещались и студентами других факультетов»¹⁴.

В 30-х годах заметно снизилась публикаторская деятельность Кокиева. Несомненно, это во многом было связано с большой загруженностью его лекционно-преподавательской деятельностью. Но в то же время молчание могло быть связано с гнетущей для автора ситуацией со злополучными «Очерками». Тем не менее Кокиев продолжал исследовательскую работу. Много времени он проводит в архивах, выявляя документы, связанные с историей Осетии. Часть этих документов удалось издать¹⁵, и их выход в свет был встречен доброжелательными рецензиями¹⁶, что

* Имеется в виду опубликованное в конце 1931 г. письмо И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», направленное редакции журнала «Пролетарская революция».

имело для Кокиева весьма важное значение. Некоторое время спустя Кокиев издает под своей редакцией часть путевых записок немецкого путешественника Штедера, являющихся ценнейшим источником по истории и этнографии Осетии XVIII в.¹⁷.

Проживая в Москве, Кокиев не терял профессиональных связей с научной общественностью родной Осетии, способствуя развертыванию на месте исследований по истории края. В самой Осетии имя профессора Кокиева было широко известно — Георгий Александрович пользовался здесь большим уважением и авторитетом. В начале 1940 г. он принял предложение Северо-Осетинского НИИ возглавить научную и организационную работу по написанию истории осетинского народа. Полный творческих планов Кокиев приезжает в Орджоникидзе. Однако удачно начинавшаяся работа была неожиданно прервана. Дамоклов меч, нависший над жизнью Кокиева, вновь готов был обрушиться.

12 апреля 1941 г. в газете «Социалистическая Осетия» появилась статья под зловещим названием «Темные дела профессора Кокиева». По форме и по стилю статья мало чем отличалась от подобных же опусов, весьма характерных для советской журналистики эпохи борьбы с «врагами народа», кампаний по разоблачению «недобитых и временно затаившихся врагов рабоче-крестьянской власти». Основу жанра при этом составляли хамский тон, бездоказательные обвинения, ссылки на слухи и кулуарные разговоры, что помогало превращать газетные страницы в помост для гражданской казни человека, имя которого подвергалось разнузданной и унижительной травле.

Автор статьи, выступивший, по всей вероятности, под псевдонимом Н.Погребенко, предъявил Кокиеву набор нелепых обвинений, рассчитанных на то, чтобы создать у читателя образ стяжателя и афериста. Впрочем, эти поклепы отнюдь не составляли главную цель автора. В статье содержались обвинения по-серьезней, что сразу придавало ей смысл политического доноса. Кокиева обвиняли в том, что он скрыл некоторые подробности своей биографии. «В 1919—20 гг., — сигнализировал Н.Погребенко, — Кокиев путался с белогвардейцами» и далее добавлял новый криминал: «...будущий профессор активно участвовал в белогвардейских газетках».

Погребенко оказался осведомленным и о другом «слабом» месте биографии Кокиева — факте изъятия цензурой его «Очерков по истории Осетии». Здесь уже можно было метать громы и молнии. Кокиев был обвинен в том, что «пытался фальсифицировать историю, вызвать распрю между народами братских социалистических областей Северного Кавказа. В этих "Очерках" Кокиев нагло клеветал на кабардинский народ, утверждая, что в

бедственном положении осетин в прошлом были повинны... кабардинцы. В другом месте книги Кокиев из кожи вон лезет, чтобы обелить осетинскую аристократию. Он договорился до такого абсурда, что, мол, осетинская аристократия, созданная на основе старых именитых аддарских и таубских фамилий, враждебно относилась к царскому самодержавию и являлась... защитником и руководителем народных восстаний».

Статья завершалась зловещим призывом «дать преступной деятельности "профессора" Кокиева настоящую оценку, назвать его настоящим именем». Призыв, естественно, был адресован прокуратуре, которой «надо заняться этой весьма подозрительной личностью».

Появление в советской прессе того периода подобных материалов никогда не было случайной инициативой самой газеты. Для опытного и внимательного читателя было очевидно, что опус санкционирован весьма высокими инстанциями. Так оно и было. По сведениям Х.Цаллаева, статья была помещена в «Социалистической Осетии» по настоянию «высокопоставленных сотрудников» местных органов ГБ. Для тех, кто хорошо знал нравы эпохи, было ясно и другое: появление статьи означает, что жертва намечена, что за газетной прелюдией последует известный финал — арест и расправа. Понимал это и Кокиев. Статью ему довелось прочитать в Нальчике, где он временно остановился, направляясь в те дни в Орджоникидзе. По упомянутым выше воспоминаниям Х.Цаллаева, Кокиев, «не заехав во Владикавказ, в тот же день уехал обратно в Москву» — шаг инстинктивный, естественный и в тех условиях единственно разумный. В фантазмагории сталинских репрессий те, кому удавалось уйти, уехать от всевидящего карательного ока органов имели шанс сохранить жизнь. Кокиеву, правда, скрыться было гораздо трудней — он был слишком хорошо заметной мишенью. Тем не менее в тот период трагическую развязку удалось оттянуть.

Через два месяца началась Великая Отечественная война. Г.А.Кокиев выезжает в эвакуацию в Алма-Ату, где немедленно приступает к работе в качестве заведующего кафедрой истории СССР Казахского государственного педагогического института. Возвратившись в 1943 г. в Москву, он недолго работает научным сотрудником Института истории, а с 1946 г. до периода трагических перемен в его жизни — сотрудником Института этнографии АН СССР.

40-е годы стали временем значительной творческой активности Кокиева. Сохранившийся интерес к социальной истории народов Центрального Кавказа проявился в исследовании условий и конкретного хода крестьянской реформы 1860-х годов в

Осетии и Кабарде. Работа по Осетии была издана¹⁸; что же касается исследования на кабардинском материале, то автору не удалось было увидеть свой труд напечатанным¹⁹.

Уже работая в Институте этнографии, Г.А.Кокиев обратился к этнографическим материалам как источнику для социальной истории народов Кавказа. Рассматривая бытовые особенности системы военного воспитания у кабардинцев, он ярко показал их обусловленность феодальным бытом привилегированных слоев²⁰.

Давно, еще с аспирантских лет, интерес к истории народных движений обусловил внимание Кокиева к эпизодам аграрных волнений в Кабарде, имевших место в ряде сел Нальчикского округа в 1913 г.²¹. Причиной волнений послужило стремление крупных кабардинских коннозаводчиков захватить Зольские пастбища, которые традиционно находились до этого в общинном пользовании. Ответом возмущенных крестьян стали массовые протестующие сходы, а затем и открытое неповиновение властям, вылившееся в продолжавшиеся несколько дней беспорядки. Прибывшие войска рассеяли плохоорганизованные, стихийные крестьянские отряды. Зольские события были закономерной реакцией кабардинских крестьян на радикальную ломку традиционных устоев социально-хозяйственной жизни, начавшуюся как следствие столыпинских реформ. В этом смысле зольские события аналогичны другим крестьянским выступлениям в Кабарде и Балкарии в начале 1910-х годов, хотя, возможно, они были более массовыми.

В то же время у Кокиева явно прослеживается стремление преувеличить значение этих событий: он неизменно называет их «крестьянским восстанием», «грандиозным движением», говорит о их «размахе», «возрастающем и угрожающем характере» и т.п., с явной натяжкой пытается обосновать возможность участия в них С.М.Кирова.

В том же исследовательском ряду, посвященном изучению народных движений, стоит еще одна работа Кокиева, раскрывающая некоторые аспекты событий в Кабарде в последние предреволюционные годы²².

Важной темой, к которой Кокиев возвращался на протяжении всей своей творческой деятельности, были русско-кавказские отношения. В периодизации Кокиева начальный этап русско-кавказских связей отнесен к периоду военных походов русов на Кавказ в IX в. Эпизодические связи сменились тесными и постоянными контактами в период существования Тмутараканского княжества. Монгольское нашествие прервало контакты, возобновившиеся лишь с конца XV в., когда под влиянием не-

благоприятной международной обстановки, в частности экспансии Турции и Ирана, кавказские владетели — первоначально грузинские цари и кабардинские князья — обращаются к Москве с просьбой о покровительстве. XVIII век стал временем активных дипломатических акций России, подбиравшей к Кавказу, окончательное присоединение которого стало возможным лишь после окончания многолетней Кавказской войны²³.

* * *

В эти годы Г.А.Кокиев проявляет интерес к историографическим проблемам. Первый опыт в этом направлении имел вполне понятный идеологический подтекст. В своей работе «Об одной фашистской фальсификации истории осетин»²⁴, вышедшей в 1944 г., Кокиев выступил против получившей некоторое распространение в немецкой историографии теории арийского происхождения осетин. Выдвинутая Августом фон Гакстгаузеном в середине XIX в. гипотеза, основанная на созвучии отдельных немецких и осетинских слов, впоследствии была развита К.Ганном, Фр.Ришелем и В.Шульцем; немалую роль в обосновании теории арийского происхождения осетин сыграл известный белоэмигрант Гаппо Баев, читавший одно время лекции в Берлинском университете. Г.А.Кокиев энергично и доказательно отрицал какую-либо связь между осетинами и «арийскими» предками германских племен.

В дальнейшем Кокиев внес определенный вклад в историографическое изучение этнографического кавказоведения. Здесь его интересовал вклад местных исследователей в изучение культуры и быта горских народов Кавказа. Значительна роль Кокиева в осознании места выдающегося просветителя Шоры Бекмурзина Ногмова в истории изучения адыгов. Его работа о Ногмове²⁵, изданная к 150-летию юбилею автора, была с энтузиазмом встречена в Кабарде. Много сил Г.А.Кокиев отдал и тому, чтобы юбилей Ногмова был достойно отмечен. Это было нелегко, так как имя замечательного деятеля адыгской культуры долгое время замалчивалось. Тем не менее юбилей состоялся. 23 июля 1944 г. в Нальчике было проведено торжественное собрание, посвященное знаменательной дате. «Трудно сейчас представить атмосферу того далекого времени, когда впервые отмечался юбилей незабвенного Ш.Ногмова, — вспоминает Г.Наурузов. — Наш народ воспринял его (это событие. — Ю.А.) восторженно, мы как-то воспряли духом. Можно утверждать, что в июне 1944 г. положено начало ногмоведению»²⁶. Другой очевидец указывал, что «празднование юбилея Ногмова вылилось в национальный праздник кабардинцев»²⁷.

Весьма интересны работы Георгия Александровича, посвященные двум осетинским этнографам — С.А.Туккаеву и С.В.Кокиеву²⁸. Была рассмотрена их собирательская деятельность по фиксации фольклорного и этнографического материалов, проанализирован вклад в научное осмысление проблем осетиноведения. При этом ученый проявил себя великолепным биографом. Он не просто сухо перечисляет основные вехи жизненного пути горских этнографов, а раскрывает яркие и глубокие характеры.

К рубежу 30—40-х годов относится окончательное формирование научных позиций Кокиева, связанных с проблемами социального строя народов Центрального Кавказа. Тема общественного устройства народов региона до присоединения к России не была новой в русском кавказоведении. Наоборот, интерес к ней был глубоким и давним, что породило весьма богатую и разностороннюю историографическую традицию. Если обобщить все высказанные к тому времени точки зрения, то в изучении этих вопросов обозначились три направления, два из которых связаны с фундаментальными попытками исследовательского анализа.

Так, ряд исследователей (М.А.Кулишер, отчасти М.М.Ковалевский, Ф.И.Леонтович) считали, что социальные отношения в регионе не вышли за рамки родового строя. Для других исследователей (С.М.Броневский, И.Л.Дебу) было очевидно, что народы Кавказа давно миновали эпоху первичной формации и к эпохе русского завоевания находились на стадии феодального развития²⁹. Советская историография выдвинула еще одну точку зрения. По мнению Я.Н.Раенко-Туранского, народы Кавказа, в частности адыги, миновали не только родовую, но, по существу, и феодальную стадию развития, которая, по мнению автора, к началу XIX в. переживала глубокое разложение и кризис под влиянием нарождавшихся капиталистических элементов хозяйства³⁰.

На материале осетин и кабардинцев Г.А.Кокиев решительно отстаивал точку зрения о существовании феодальной стадии развития народов Центрального Кавказа³¹. Его исследования углубили и детализировали представления о горском феодализме. Если предшествующая историография лишь обозначила основные социальные параметры феодальной формации на Кавказе, зачастую весьма непоследовательно и поверхностно, то Георгию Александровичу на большом фактическом материале удалось показать наличие у кабардинцев и осетин феодальной собственности на землю, проанализировать многие важные особенности феодального землепользования, рассмотреть систему сословных статусов и классовой структуры общества.

В то же время ученый считал, что феодализм на Центральном Кавказе развит неравномерно, уровень его развития разный даже в среде одного народа. Так, Г.А.Кокиев отметил неравномерность процесса феодализации у осетин. В силу ряда внутренних и внешних причин (к первым он относил более интенсивный рост производительных сил, ко вторым — установление вассальных отношений между кабардинскими и осетинскими феодалами) феодализация Западной Осетии (Дигории) протекала более быстрыми темпами, чем Восточной. Кокиев выделил основные классы и сословия феодального осетинского общества. К привилегированному сословию относились прослойки феодалов, которые в разных осетинских обществах были известны под разными наименованиями — *баделяты*, *царгасаты*, *гагауты*, *тагиаты*, или *алдары*.

Более основателен и подробен Кокиев при характеристике эксплуатируемого класса, который был далеко не однороден.

Он выделяет также четыре прослойки, которые различались степенью личной и экономической зависимости от феодала. *Хехесы*, или *фарсаглаги*, составляли наиболее многочисленную категорию осетинского крестьянства. Формально они были лично свободными, но, проживая на землях феодала, обязаны были нести поземельную повинность. Имели право перехода от одного феодала к другому, однако фактически переход был затруднен, так как в этом случае имущество оставалось у прежнего владельца, а на новых землях было необходимо нести поземельную повинность уже в пользу нового владельца.

Другая категория — *адамихаты*, или *уздоны*, — была немногочисленна. Уздоны несли личную службу при феодале, облагались постоянной и некоторыми видами натуральной повинности. Следующей категорией зависимого населения были *кумаяги*, или *кавдасарды*. Воспитывавшиеся в доме владельца, они были его детьми, рожденными от незаконных жен-наложниц (*номьлус*). Наконец, категория *касагов* представляла собой, по существу, домашних рабов. Основными источниками пополнения этой категории зависимого населения были покупка или плен.

Ученый делает вывод о том, что в «осетинском обществе... господствовал феодальный способ производства со всеми типичными чертами, свойственными данной хозяйственной системе, начиная от натурального хозяйства и кончая личной зависимостью крестьянина от феодала, имевшего над личностью крестьянина неограниченную власть, обеспечивавшую возможность максимальной эксплуатации крестьян»³².

Характеризуя структуру кабардинского феодального общества, Г.А.Кокиев отметил ее большую сложность по сравнению с фео-

дальным строем Осетии, что нашло отражение в сложной иерархической системе социального устройства, на вершине которой находились *пиши* — представители родовитейших княжеских фамилий, а в основании социальной лестницы — различные категории зависимого и полузависимого населения.

Таким образом, Г.А.Кокиев считал уровень развития феодализма в Кабарде очень высоким. Основанные, как было отмечено, на фундаментальном анализе архивных источников, его исследования были значительным достижением кавказоведческой науки тех лет. Тем не менее точка зрения Г.А.Кокиева подверглась критике, и, как оказалось, это сыграло впоследствии весьма трагическую роль в его судьбе.

Основные события развернулись 17—18 августа 1948 г. на III научной сессии Кабардинского научно-исследовательского института, где прошла дискуссия по вопросу о феодализме в Кабарде. Инициатором полемики выступила научный сотрудник этого Института А.В.Мамонтова. В своих предшествующих работах она достаточно однозначно высказывалась в пользу наличия феодальных отношений среди адыгов³³. Однако в докладе «К вопросу о феодализме в Кабарде», представленном на сессию сначала в письменном виде, а затем оглашенном на одном из заседаний, позиция докладчика резко изменилась. Теперь она решительно отрицала наличие ярко выраженных черт феодализации в кабардинском обществе дореформенного периода.

Предшествующая историография, как дореволюционная, так и советская, рассматривавшая Кабарду как феодальное этнополитическое образование, отбрасывалась ею как основанная на недоразумении. Все работы, трактовавшие феодализм у горцев вообще и у кабардинцев в частности, основывались на неверной интерпретации адатов — «очень оригинального документа», как называет их Мамонтова, поскольку, по ее мнению, они представляли собой плод воображения авторов записей — офицеров, топографов, географов Генерального штаба, которые и создали концепцию феодализма у горцев. «Именно они положили основание этой концепции, подходя к быту горцев, не зная его, подходя к нему с обычными представлениями феодальных отношений, какие были, в частности, в России»³⁴. Таким образом, концепция феодализма у горских народов Кавказа объявлялась следствием некоей фатальной aberrации, жертвами которой стали многие советские ученые, развивавшие и дополнявшие эту концепцию. Естественно, что одной из «жертв» был Кокиев, критике которого была посвящена большая часть доклада А.В.Мамонтовой.

Основной тезис автора доклада заключался в отрицании феодальной стадии развития для кабардинского общества XIX в., в

котором, по ее мнению, еще господствовали патриархально-родовые отношения. Социальной ячейкой общества была «свободная родовая община», в основе которой лежало «общественное пользование землей на родовом праве и коллективные формы труда». Правда, в рассматриваемое время ей на смену уже приходила другая социальная форма — «сельская община», которая, впрочем, «в хозяйственном отношении почти не отличалась от родовой». В соответствии с этим отрицалось наличие в кабардинском обществе поляризованных социальных классов, феодальной собственности на землю, классовой борьбы.

Большую часть населения Кабарды (по мнению Мамонтовой, две трети) составлял «простой свободный народ». Представители социальной прослойки, которую русские источники называли князьями и дворянами, по автору доклада, являлись не более чем выделившейся родовой верхушкой, богатство которой зиждилось на владении стадами, ибо основу хозяйственных занятий кабардинцев составляло скотоводство, причем в крайне примитивной, пастушеской форме. Наличие черт феодализации кабардинского общества если и допускалось, то в самой зачаточной форме.

Точка зрения А.В.Мамонтовой была подвергнута резкой и единодушной критике практически всеми участниками дискуссии. Выступившая с содокладом В.М.Букалова отвергла как методологические подходы, так и конкретные выводы Мамонтовой. В выступлениях Е.С.Зевакина, Е.Н.Студенецкой, А.И.Першица, Н.Ф.Яковлева, Е.И.Крупнова и др. было высказано несогласие с основным тезисом докладчика. Выступал и Кокиев, который жестко, порой даже резко отстаивал свои позиции.

В заключительном слове А.В.Мамонтова признала ошибочными некоторые из своих положений и отказалась от них. Дискуссия закончилась принятием концепции Кокиева, так как все выступавшие по существу оппонировали Мамонтовой, рассматривая социально-экономический строй Кабарды как феодальный, основные черты которого сложились еще задолго до русского завоевания.

В целом дискуссия была весьма содержательна, хотя, по обыкновению тех лет, содержала немало схоластического, в частности длинных и туманных интерпретаций высказываний классиков марксизма и цитат из партийных постановлений, которые непременно должны были быть «подверстаны» под кабардинский материал и обсуждавшуюся проблему³⁵.

Однако на сессии, как это часто бывало, прозвучали и политические обвинения. Почин опять-таки сделала Мамонтова, обвинившая Г.А.Кокиева в том, что он находится в плену у буржу-

азных ученых, некритически следует за ними, переносит в советскую науку теории, разработанные царскими чиновниками и генералами. Более того, саму кокиевскую теорию феодализма в Кабарде Мамонтова посчитала не только «неверной», но и «вредной».

По ее мнению, эта теория: «1. Искажает историю кабардинского народа до Октябрьской революции, приписывая кабардинскому народу общественную форму, которой народ еще не проходил. 2. Мешает правильному пониманию истории советского периода Кабарды, так как а) оставляет немотивированным участие большинства горцев Северного Кавказа в гражданской войне на стороне контрреволюции, наблюдавшееся именно в силу низкого общественного развития, отсутствия пролетарских слоев, на которые могла бы опереться большевистская партия в 1917 г., и б) снижает роль Октябрьской революции и советской власти, которая ведет эти народы к социализму, минуя капитализм. 3. Может поддерживать у кабардинцев националистические тенденции и высокомерное отношение к другим горским народам Северного Кавказа, отношение, которое культивировалось царизмом, опиравшимся на кабардинцев в борьбе с другими народами Северного Кавказа»³⁶.

Оппонента надлежало бить его же оружием. Подвергнутая критике позиция Мамонтовой была не только названа «нелепой и антинаучной», но и самому автору были предъявлены обвинения также явно политического характера. Подводя итоги дискуссии, проф. Н.А.Смирнов отметил, что у докладчика получилась «чистейшая идеализация общинного строя и бесклассового общества, якобы господствовавшего в Кабарде в середине XIX в. ... Это то, — продолжал Смирнов, — что политически является самым вредным на данном этапе... Вы, — обращался он к Мамонтовой, — попадаете в очень неприятную историю, когда ваш труд могут использовать буржуазные националисты и обязательно используют во вред интересам кабардинского народа»³⁷. Еще более определен был Г.А.Кокиев, заявивший, что Мамонтова «очевидно не подозревает, какую политическую ошибку она допускает, говоря об участии кабардинцев на стороне контрреволюции... не понимает, что, утверждая, что кабардинцы в большинстве стояли на стороне контрреволюции, тем самым она становится на рельсы наших врагов, обвинявших в свое время большевиков в насильственном навязывании народам Октябрьской революции»³⁸.

После завершения сессии, которая, как казалось, укрепила его научные позиции, Г.А.Кокиев уехал в Москву. Ему не дано было знать, что дни, проведенные в жарких баталиях в Нальчи-

ке, были последним его пребыванием на Кавказе. Между тем в Москве Кокиев приступает к своим обычным обязанностям. На историческом факультете МГУ он читает курс по истории проведения крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии. В Институте этнографии он участвовал в разработке двух тем — «Аланы на Северном Кавказе», которые рассматривались им в контексте этногенеза горских народов Кавказа, и «Кабардинские поселения XVI—XVIII вв.», изучавшиеся на основе историко-архивных, археологических и этнографических данных³⁹. Кроме того, он заведовал отделом аспирантуры.

Трагическая развязка наступила неожиданно. В апреле 1949 г. Г.А.Кокиев был арестован. Набор обвинений был стандартен, но в условиях тех лет страшен — антисоветская деятельность, подрывная работа, направленная на развал социалистической науки. Среди обвинений — протаскивание антинаучных и политически вредных взглядов о высоком уровне развития феодализма в Кабарде с целью вызвать рост буржуазно-националистических настроений в республиках Северного Кавказа.

Арест Г.А.Кокиева произвел гнетущее впечатление на всех, кто его знал, в том числе студентов из МГУ⁴⁰. Исчезновение человека в недрах НКВД и ГУЛАГа автоматически означало и попытку изъять его из социальной памяти времени. В истории науки это обернулось образованием искусственных лакун, так как книги репрессированных изымались из библиотек и отправлялись в спецхран⁴¹, а на идеи, мысли, достижения накладывалось табу, следствием чего становилось их исключение из нормального научного процесса. Имя репрессированного отныне могло упоминаться лишь для очередного поношения. Не избежал этого и Г.А.Кокиев.

В 1950 г. в Нальчике собралась очередная сессия Кабардинского научно-исследовательского института со специальной целью осудить работы Г.А.Кокиева. Они критиковались как искажающие идеи Сталина при определении уровня социально-экономического развития Кабарды, а также содержащие грубые ошибки при изучении древнего этапа истории кабардинского народа. Отныне развивать кокиевские идеи стало небезопасным.

По мнению В.Х.Кажарова, после необоснованного осуждения научных концепций Г.А.Кокиева «резко затормозилось исследование проблем феодализма и сельской общины в Кабарде»⁴².

Дальнейшая судьба Г.А.Кокиева сложилась трагично и печально. В 1955 г., находясь в одном из гулаговских лагерей, он умер от разрыва сердца. Посмертная реабилитация полностью сняла все наветы с доброго имени Георгия Александровича Кокиева.

- ¹ *Кокиев Г.А.* Очерки по истории Осетии. Ч. I. Владикавказ. 1926, с. 18.
- ² Могильные сооружения в Осетии. — Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. I, с. 240.
- ³ ГАРФ, ф. 4655, оп. I, д. 111, л. 159.
- ⁴ Научные работники Москвы. Л., 1930, с. 135.
- ⁵ *Кокиев Г. А.* Очерки по истории Осетии.
- ⁶ Там же, с. 5.
- ⁷ *Кокиев Г.А.* Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1929.
- ⁸ *Кокиев Г. А.* Некоторые сведения о древних городищах Татаргуп и Дзулата. — Записки Ростовского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1929. Т. II.
- ⁹ *Кокиев Г. А.* Борьба кабардинских феодалов за экономическое и политическое господство. — Революция и горец. 1929, № 9, 10.
- ¹⁰ *Кокиев Г.А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. — Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Вып. II.
- ¹¹ *Кокиев Г. А.* К вопросу об атальчестве. — Революция и горец. 1929, № 3.
- ¹² *Кокиев Г.А.* 3 історії російської колоніальної політики. — Червоний схід. Харків, 1930, № 6(15); *он же.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. — Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. Сталинир, 1929. Вып. I.
- ¹³ ГАРФ, ф. 2307, оп. 17, д. 14, л. 29.
- ¹⁴ *Цаллаев Х.* Вспоминая профессора Г.Кокиева. — Северная Осетия. 12.08.1992.
- ¹⁵ Материалы по истории Осетии XVIII в. — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1935. Т. 8.
- ¹⁶ *Гарданов Б.* Против великодержавничества и национализма. — Там же.
- ¹⁷ Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям И. Штедера. Документы подготовил к изданию и снабдил введением Г.Кокиев. Орджоникидзе, 1940.
- ¹⁸ *Кокиев Г. А.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
- ¹⁹ В настоящее время рукопись хранится в архиве Кабардино-Балкарского НИИ истории, филологии и экономики (ф. 1, оп. 5, д. 66).
- ²⁰ *Кокиев Г.А.* Военное воспитание у кабардинцев в прошлом. — Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т. 2.
- ²¹ *Кокиев Г. А.* Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. Нальчик, 1946.
- ²² *Кокиев Г.А.* Борьба кабардинской бедноты за советскую власть. Нальчик, 1946.
- ²³ *Кокиев Г.А.* Из истории сношений России с Кавказом (IX—XIX вв.). Нальчик, 1946; *он же.* Русско-кабардинские отношения в XVI в. — Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1949. Т. 4; *он же.* Сношения России с народами Северного Кавказа. — Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
- ²⁴ *Кокиев Г.А.* Об одной фашистской фальсификации истории осетин. — Исторический журнал. 1944, № 2—3.
- ²⁵ *Кокиев Г.А.* Шора Бекмурзин Ногмов — выдающийся кабардинский просветитель. Нальчик, 1944.
- ²⁶ *Наурузов Г.* Два юбилея. — Кабардино-Балкарская правда. 16.06.1994.
- ²⁷ *Гарданов Б.А.* Из биографии Ногмова. — Ученые записки Кабардинского НИИ. 1946. Вып. 1, с. 318.
- ²⁸ *Кокиев Г.А.* Этнограф осетинского народа С.Туккаев. Дзауджикау, 1949; *он же.* С.А.Туккаев — этнограф осетинского народа. — СЭ. 1946, № 2; *он же.* С. В. Кокиев — этнограф осетинского народа. — СЭ. 1946, № 3.

²⁹ *Косвен М. О.* Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. — *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.

³⁰ *Раенко-Туранский Я. Н.* Адыгея до и после Октября. Ростов-на-Дону, 1927.

³¹ *Кокиев Г. А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. — Исторические записки. 1938. Т. 2; *он же.* Исторический очерк. — Кабардинская АССР. Нальчик, 1944.

³² *Кокиев Г. А.* Кабардино-осетинские отношения, с. 163.

³³ *Мамонтова А. В.* Социально-экономический строй у нижних черкесов (адыгов) накануне крестьянской реформы 1867 года. — Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1946. Т. 1; *она же.* Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. — Там же. 1947. Т. 2.

³⁴ Архив Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики, ф. 1, оп. 5, д. 50, л. 2.

³⁵ В этом отношении характерно признание А. В. Мамонтовой о том, что одно время она сама являлась приверженцем неверных, по ее мнению, взглядов на уровень социально-экономического развития Кабарды. Однако ей удалось от них избавиться, причем докладчик не скрыла от коллег, что послужило основным толчком к эволюции ее концептуальных взглядов. «Для разрешения этого вопроса, — говорила Мамонтова, — для уточнения его для себя, для получения поддержки в дальнейшей работе я, естественно, обратилась к классикам марксизма-ленинизма, прежде всего обратилась к "Краткому курсу истории ВКП(б)", обратилась к высказываниям Иосифа Виссарионовича Сталина». См.: Архив Кабардино-Балкарского НИИ, ф. 1, оп. 5, д. 50, л. 13, 14.

³⁶ Там же, л. 174.

³⁷ Там же, л. 202, 203.

³⁸ Там же, л. 177.

³⁹ АРАН, ф. 142, д. 91, л. 1.

⁴⁰ *Обушенков Н. Г.* «Дело» молодых историков. — Вопросы истории. 1994, № 4, с. 117.

⁴¹ Результаты других методов расправы можно воочию наблюдать и сегодня. В ряде изданий, просмотренных мною в Государственной публичной исторической библиотеке Российской Федерации, страницы с текстами статей Г. А. Кокиева аккуратно вырезаны, а его имя в перечне содержания тщательно вымарано.

⁴² *Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX века. Нальчик, 1994, с. 52.